

УДК 340.141(=512.154)

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВДОВЫ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ КЫРГЫЗОВ

Д.М. Байгазиева

Раскрываются вопросы, связанные с имущественным статусом вдовы, основания открытия наследства и положения прекращения брака.

Ключевые слова: имущество; левират; сорорат; вдова; калым; наследник.

LEGAL STATUS OF THE WIDOW UNDER KYRGYZ CUSTOMARY LAW

D.M. Baygazieva

In this article author considers issues, related to the property status of the widow, the base opening of the inheritance and the provisions of the marriage termination.

Key words: property; levirat; sororat; widow; bride-price; inheritor.

По нормам обычного права кыргызов особого внимания заслуживает имущественный статус вдовы. Имущественные права на наследство вдовы тесно переплетались с таким обычаем, как левират, что затрудняет четко выделить права вдовы как участника при разделе наследства. Только после завершения всего обрядового цикла, связанного с проведением души покойного мужа, вдова могла вступить в повторный брак. Согласно обычаю левират, в прошлом у кыргызов вдова обязывалась выйти замуж за одного из братьев мужа, обычно за младшего. Позднее вдова имела право не выходить замуж, если она не пожелает, или выйти замуж по собственному выбору за постороннего, но при условии лишения родительских прав на своих малолетних детей и права на совместное имущество, в том числе и на свое приданое. В традиционной культуре кыргызов дети, рожденные после смерти мужа, оставались в его семейно-родственной группе.

«Если после умершего оставались сыновья, то они собирали родственников и после угощения говорили им: *«Если мать не захочет выходить замуж, то мы будем кормить и заботиться о ней, а захочет – ее воля.* Ее тут же спрашивали и поступали сообразно ее желанию» [1]. Из обычая левират следует, что основная часть имущества должна передаваться представителям как нисходящих, так и восходящих поколений по мужской линии, и что немаловажно – имущество не выходило из семейного круга умершего. Однако из данного обычая было исключение: так, согласно статье 41 Эреже

Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г., «вдовам старше 35 лет предоставлялась свобода жизни без нового замужества» [2].

Если наследники не могли самостоятельно решить вопрос, касающийся наследства, для решения вопроса о выдаче вдовы замуж и раздела наследства через год собирались родственники для проведения поминок. «Кыргыз, желающий взять вдову в жены, собирает родственников в юрте, режет барана и сообщает им, что хочет взять за себя жену покойного». «При обсуждении этого вопроса отправляют человека, спросить у вдовы ее согласия, в случае согласия вдовы и муллы. Но существуют случаи, когда вдова не соглашается, тогда ее приглашают к собравшимся, угощают и уговаривают, и в конце концов она соглашается и их венчает мулла» [1]. Такие же положения относительно казахской вдовы рассматриваются в Записках Оренбургского отдела императорского русского географического общества: «На годовых поминках собирались все родственники умершего, если жена покойного молода, ей дают право выбора себе жениха из числа родственников умершего, при несогласии ее отдают замуж из близкого круга умершего» [3, 4].

В случае если у умершего был младший брат, вдова могла выйти за него, но при условии, если он совершеннолетний, а если он еще не достиг этого возраста, то по своей воле она могла выйти и за более старшего брата умершего, если, конечно, таковые существовали. В случае если у умершего было

несколько жен, то всем женам было невозможно выходить за одного брата, каждая жена выходила замуж за одного из братьев, но если число жен превышало число братьев, жен могли брать как племянники, так и другие родственники покойного. Обязательным условием было, что старший из братьев брал в жены самую старшую вдову, и так же выходили более молодые за последующих братьев. Однако «если вдова не желает выйти за имеющего на нее право, а согласна выйти замуж за другого, хотя и за отдаленного родственника, то ее уже не неволят; но если обойденный не доволен такой свадьбой, то ищет со счастливица убытки, калым» [1]. Можно привести пример о вышесказанном: «Кыргызы Алмен, Кулман и Кулдулды Кошетеровы – родные братья. Младший Кулдулды умер, оставив трех вдов, две юрты, 100 лошадей, 6 верблюдов, 300 баранов и 5 коров. Алмен взял вдову с юртой и половину скота; Кулман взял другую вдову с юртой и остальную половину скота; третью же вдову взял сын Алменя – Бийбит и с нею получил лошадь, верблюда, постели, одежду ее и седло, данные ей в приданое» [1].

По нормам обычного права кыргызов первая жена кыргыза имела привилегии не только при жизни, но и по смерти мужа. Согласно статье 44 Эреже Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г., «самая старшая жена-байбиче и старший сын получали так называемый *аксакалдык*, все остальные вдовы и дети имели отдельные законные доли. Такие привилегии давались только старшему наследнику: он мог выбрать любое имущество умершего, хотя по обычаю должно было быть все на равные доли» [2].

Необходимо отметить, что в зависимости от региона у кыргызов в определении наследственной доли вдовы были правовые различия. К примеру, согласно статьям 5, 6 Эреже чрезвычайного съезда народных судей Аулиеатинского уезда 1907 г. относительно статуса вдовы устанавливалось: «Если останется бездетная вдова, то ей дается только четвертая часть наследства, остальное же делится между наследниками умершего, а вдове предоставляется право свободного выхода замуж; Если останется вдова с детьми, то лично ей выдаться восьмая часть наследства, а остальное также делится между всеми остальными наследниками после умершего» [1].

В случае если узнавали, что вдова беременна не от умершего, то ее выгоняли, и она не имела никаких прав [1].

В своих исследованиях Ф.В. Поярков про статусы вдовы пишет, что «после смерти мужа, если у вдовы остались сыновья, и то если только она пожилая, всем хозяйством распоряжаются наследники... в редких случаях советуются с матерью, которая

никакого влияния не имеет; а если остались дочери, то их вместе с имуществом берут братья умершего... близкие или дальние родственники, вскормив и выдав их замуж, получают за них калым, а старуха-вдова, если нет у нее братьев или родственников, пристраивается жить у одного из хороших зятей или проживает до смерти у родственников умершего мужа, работая за прокорм и одяние» [5].

Как упоминалось ранее, вдовы старшего возраста могли не выходить больше замуж, тем не менее, у них оставались все права и все имущество и они могли остаться жить в том же месте, в котором жили ранее. К примеру, «после смерти киргиза Бексеита, три его брата не взяли ничего из его имущества, а оставили все в пользование вдовы Наутек и двух ее дочерей» (все оставляют в собственности у вдовы очень редко) [4]. Но в случае, если одна или несколько вдов беременны, когда умирает муж, вопрос в отношении имущества решается позже.

Ранее, согласно обычаю левират, у кыргызских вдов была обязательство выходить замуж в основном за младшего брата мужа или за одного из братьев. Можно сделать вывод, что такой обычай брака у кыргызов направлен на защиту и воспитание детей, а не на удержание заплаченного калыма и бесплатной рабочей силы (такое мнение было у досоветских и советских исследователей). Что касается левирата у казахов, то С. Озбекулы упоминал, что «если вдова уходила с детьми в чужой род, то ее дети, попадая к отчиму, вряд ли могли рассчитывать на счастливое детство» [6]. Вдова с детьми не оставалась без кормильца – это основная норма левирата, это норма, направленная на защиту детей, оставшихся без отца.

В XIX в. левират получил также широкое распространение у башкир и казанских татар. По норме обычного права левират вдова имела право выбирать, за кого выходить замуж – за младшего брата или за племянника умершего. Были случаи, когда вдова проявляла желание выйти замуж за уже женатого родственника умершего мужа, становясь последующей женой. К.И. Козлова считает, что «предпосылкой возникновения обычая левирата и сородата была и экономическая сторона брака, поскольку за вдову не было необходимости платить калым, при женитьбе на сестре умершей жены калым платился незначительный» [7]. И. Каратанов об обычае левирата писал: «Работящая и домовитая невестка после смерти мужа могла выйти гражданским браком за брата мужа» [8].

Брак прекращался в связи со смертью одного из супругов, но при этом смерть той иной стороны брака, по кыргызскому адату, имела абсолютно разные юридические последствия. Если умирала жена, то не было никаких правовых обязательств

ни для мужа, ни для детей. Согласно статье 45 Эреже Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г., следовало, что «по смерти бездетной вдовы возвращается ее родителям из приданого – ее одежда, седло с прибором и постель» [2]. У казахов был следующий обычай: «Если у кого-нибудь умрет жена, не оставив после себя детей, то отцу этой женщины возвращаются из ее приданного верблюды, лошади и саукеле» (согласно Эреже чрезвычайного съезда народных судей Усткаменногогорского и Семипалатинского уездов от 17 августа 1896 года) [9].

Если же умирал муж, то обязанности переходили на жену и дочерей. При установлении обязательств вдовы одним из основных фактов являлось наличие детей. Так, согласно статье 40 Эреже Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г., «после смерти мужа жена переходила к старшему брату, в отсутствии такового, к ближайшему родственнику покойного, и лишь только при определенных условиях жена могла уклониться от такой обязанности» [2].

Интересен тот факт, что важную роль при установлении обязательств вдовы играло наличие детей. Так, согласно статье 34 Эреже Пржевальского чрезвычайного съезда от 5 октября 1908 г., «если у вдовы были дети от покойного, то она должна была остаться в семье мужа» [2], либо согласно статье 5 Эреже чрезвычайного съезда народных судей Аулиеатинского уезда 1906 г., «в случае замужества за чужого человека оставить детей и приданое родным покойного; если же вдова была бездетной, ей предоставлялось право свободного выхода замуж» [2]. Что касается ношения траура и новой свадьбы, существовали разные условия в зависимости оттого, кто умирал: вдова и дочери покойного должны в обязательном порядке носить траур в течение года (статья 40 Эреже Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г.) [2], что касается смерти жены, то муж не имел никаких обязательств перед родственниками умершей жены.

По отношению к срокам новой свадьбы и ношению траура также были различия, в зависимости от того, кто умирал: если смерть жены не налагала никаких обязательств на мужа, то смерть мужа обязывала вдову и дочерей покойного носить траур в течение года.

Статус вдовы не связан исключительно с социальным положением женщины в обществе. Он определяется юридическими, экономическими факторами, но основывается еще и на новом состоянии, в котором находится женщина, пережившая смерть мужа. После окончания траура женщина возвращалась к повседневной жизни, но прохождение этого этапа влияло на ее дальнейшее положение внутри социума.

Со смертью мужа к его вдове переходили некоторые права покойного супруга. Но юридиче-

ски закрепленные имущественные права женщина приобретала только в том случае, если она не выходила замуж и оставалась в статусе вдовы, становясь опекуном своих детей и временным распорядителем унаследованного ими имущества.

Высокий «мужской» статус женщины старшего возраста основывался на временном факторе возраста и приобретении жизненного опыта. После окончания репродуктивного периода или после рождения определенного количества сыновей, когда долг женщины считался выполненным, женщина, пережившая смерть мужа и унаследовавшая его статус, могла начать восприниматься в мужском социальном статусе, и в этом случае стереотипы ее поведения в семье фактически не отличались от мужских стереотипов. Она меняла круг своих прав и обязанностей, заменяя первоначальную сферу своего активного социального функционирования – дом, на ее мужскую противоположность – род.

Можно говорить о том, что в течение жизни женщина проживала несколько значимых не только в биологическом, но и в социальном отношении рубежей. Каждый такой рубеж отмечен сменой статуса женщины в обществе и соотносится с особой поведенческой моделью.

Литература

1. Изразцов Н. Обычное право киргизов // Древний мир права казахов: материалы, документы и исследования / Н. Изразцов. Алматы, 2005. С. 394.
2. Хрестоматия по истории государства и права Кыргызстана: учебное пособие / сост. Б.И. Бурбашов. Т. 1. Бишкек, 2008. 657 с.
3. Даулбаев Б. Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год / Б. Даулбаев. Выпуск 4. Оренбург, 1881. С. 105.
4. Загряжский Г. Юридический обычай киргиз / Г. Загряжский // Материалы для статистики Туркестанского края, 1876. Вып. IV. С. 34.
5. Поярков Ф.В. О кара-киргизах / Ф.В. Поярков // Каз. ГПБ, шт. № 367. С. 1–2.
6. Өзбекүлы С. Кошпелу казак өркениетүндегу күкүк. Право кочевой цивилизации казахов: монография / С. Өзбекүлы. Алматы: Мектеп, 2002. С. 142, 143.
7. Козлова К.И. Этнография народов Поволжья / К.И. Козлова. М., 1964. С. 175, 109–110.
8. Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар / И. Каратанов // Известия Императорского русского географического общества. 1884. Т. XX (извлечение). С. 12–15.
9. Эреже чрезвычайного съезда народных судей Усткаменногогорского и Семипалатинского уездов от 17 августа 1896 // Киргизская Степная Газета. 1898. № 34.